

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Орган Центрального и Московского Комитетов ВЛКСМ

№ 167 (5878)

Суббота, 15 июля 1944 г.

ЦЕНА 20 КОП.

Толстой не просто любил Чехова, а был в него влюблен. И в произведения его и в него самого, в его личность.

Горький писал о Толстом: «Чехова он любил и всегда, глядя на него, точно глядел лицо Антона Павловича взглядом своим, почти нежным в эту минуту...»

Глядя вслед Чехову, Толстой как-то говорил: «Ах, какой милый, прекрасный человек: скромный, тихий, точно барышня! И ходит, как барышня. Просто—чудесно!»

Об этой любви Толстого к Чехову Горький и сам пишет с великой любовью и нежностью. Он точно так же относился к Чехову, и его письма к нему проникнуты восторженной любовью.

Точно так же любит Чехова Россия. Много лет назад так полюбила его и не перестает относиться к своему любимому писателю нежно и ласково, и чем дальше, тем больше любит его, потому что больше понимает. Это любовь и к произведениям Чехова и к нему самому. Их и разделить нельзя. Чехов — великий русский писатель и чудесный русский человек.

Невозможно, раскрыв книжку Чехова, прочитать один его рассказ. Пусть вам некогда, пусть только для того и раскрыли вы книжку, чтобы кайти нужную вам фразу, — все равно обаяние Чехова сейчас овладеет вами, и вы будете в десятый, в сотый раз перечитывать то, что вы знаете, словно зашли вы в тенистый чудесный сад, только на минуту зашли, а уйти трудно...

До чего хорошо бродить с Чеховым по русской земле, по степям ее, по полям, по берегам задумчивых рек, по лесам! Почти вся Россия, как в глубоком, прозрачном озере, отразилась в чеховских рассказах — и южные степи и северные леса. Простыня, по-чеховски скупыми словами он говорил о них, очень сдержанно, даже сухо. вато, если сравнить с тургеневским описанием русской природы, а какая в чеховских словах большая любовь к скромной русской природе!

Конечно, и до нашего времени русские люди читали и долго после нас русские люди будут читать и «Степь», и «Святую

Писатель и современность

ночь», и другие рассказы, в которых описана нежными словами русская природа, и будут находить в ней новую красоту. Но в наши дни все это чувствуется с особой силой, потому что вдвойне, втройне дороги нам наши степи, и леса, и поля, освобожденные от врага. Мы, может быть, в мирное время и не могли так заметить, как прекрасна русская земля, — знали это, но не чувствовали с такой большой, до боля большой любовью. Сколько раз читали мы Чехова, а теперь он читается по-новому, сквозь те новые чувства, которыми мы живем в дни Отечественной войны. Сволнением мы произносим слово Родина, необъятное слово... В произведениях Чехова слово это сказано с великой простотой и глубокой поэтичностью.

* * *

Чехов населил русскую землю множеством людей, и хотя они никогда не существовали в действительности, они более живые, чем многие те, которые занесены в метрические записи и были своевременно прописаны в домовых книгах. Кажется, чеховский мир в русской литературе — самый богатый мир, самый многочисленный. Трудно сразу протолкаться через эту толпу людей и людишек. Все — знакомые, все — интересные. Как их сгруппировать, чтобы отделить более важных от второстепенных? Можно, конечно, остановиться на лицах более солидных, умных, философствующих, таких, как профессор из «Скудной истории» или искатель истины из повести «Моя жизнь». Но ведь вот вылезает телеграфист Ять, и, право же, в своем роде он не менее замечателен. Нельзя его забыть. А таких, как он, сотни.

Чехов словно всю Россию обошел, всех заметил, никого не пропустил. В его рассказах, повестях, комедиях — все классы старой России, все сословия, все профессии. Неудивительно, что у него с таким знанием жизни изображены врачи всех рангов, от медицинско-го светила до земского врача в глухом углу. — Чехов сам был врачом, и надо думать, что во всей мировой литературе нет более верного, более глупого

изображения доктора. Но ведь и архиереев Чехов писал с такой точностью, с таким проникновением в их жизнь, что только Лесков может идти в сравнение.

Чехов показывает русского инженера, и этот инженер — живой, настоящий, а после этого Чехов выводит старого офицанта из московского ресторана, и это тоже — живой офицант. Чехов не был военным человеком, армейская среда была далека от него, по условиям его времени и не могла быть близка, а каковы же его артиллеристы в «Трех сестрах»? Подполковник Вершинин — это фигура замечательная, это превосходный русский офицер, и своим собственным обликом и происхождением своим прямо восходящий к богатой толстовской галерее русских офицеров.

Отошло то время, когда жили и действовали описанные Чеховым люди, нет теперь помещиков и дворян, не те теперь инженеры и врачи, не те судьи, все стало по-иному, а чеховские люди, наперекор всему, живут — есть в них что-то такое, что делает их не музейными, а живыми существами. Не только тем значителен для нас Чехов, что по его рассказам можно и надо изучать прошлое нашей Родины, что его художественный вымысел обладает точностью исторического документального свидетельства. Это — само собой. А есть в его рассказах современность наша, и она совсем не «исторический» для нас писатель, а наш современник, соучастник в событиях наших дней.

Чудесны дети у Чехова. Достаточно вспомнить о них, чтобы улыбнулся тепло самый хмурый человек. Великолепия детвора, играющая в лото, и очаровательны детишки, которые возятся с котятками, похожими «на мышей». Все это наши дети, такие же ныне, какими они были тогда. Нет хозяина, который бил Ваньку Жукова пландырем, нет тех хозяев, которые замучили милую Варьку («Спать хочется»). — это все история; но сам-то Ванька Жуков, русский чудесный мальчик, он не история, а Варька не история. Мы видим, что основная прелесть рассказов Чехова в том, что он замечательно проник в душу русского ребенка и показал нам его таким,

что сделал нам понятными и наших нынешних ребят. Ведь это те же Ваньки Жуковы теперь учатся в ремесленных училищах, заменили взрослых рабочих, ушедших за войну, и творят те дела, которые именуются у иностранцев «русским чудом».

Как дети, так и взрослые. У Чехова есть люди хорошие и дурные, сильные и слабые, добрые и злые, всякие есть, а если собрать всех вместе, обобщить их, вывести какой-то единый знаменатель, то выйдет русский человек со всеми его достоинствами и недостатками, с временными историческими примесями и теми чертами, которые заложены в русском человеке прочно, основательно и переживают смены времени, чертами, которые называются национальными.

Среди них много слабых людей, неудачников, мечтателей, не нашедших для себя места в жизни, ошибавшихся в выборе пути. Это Треплев, Иванов, дядя Ваня, многие другие... Но все это способные, даровитые, умные люди, которые в иных условиях нашли бы применение своим талантам и украсили бы жизнь. Оттого, что у Чехова много таких неудачливых людей, ему самому приписывали скептицизм, маловерие. Но он ходит в своем чеховском мире с ясной улыбкой, с твердой уверенностью в том, что жизнь может быть хороша и будет хороша и что талантливый русский человек будет жить достойной жизнью, как строитель, создатель, творец.

Чехов любит и жалеет своих неудачников. Толстой назвал его милым, тихим, скромным. Но это очень твердый человек. Его не подкупит жалость к человеку. Хотелось бы, чтобы Иванов нашел свое место в жизни, и дядя Ваня увидел широкий свет, и Соня вышла из деревенского своего заключения, и Треплев получил признание... Всех их Чехов любит, как хороших русских людей, но как неутомимо суровы финалы его пьес и повестей. Правда выше всего! Чехов знает, что в социальных условиях своего времени, в старой России, все эти милые люди обречены. Им не помогут никакие примочки, Чехов — врач и писатель — знает, что их бо-

лезнь неизлечима. Необходимо коренное изменение всех условий жизни, необходим другой общественный строй. Об этом думает Чехов, когда говорит что через пять — десять, через сто, двести лет жизнь будет прекрасна...

В этой будущей жизни расцветут таланты хороших русских людей. Мечтой об этой жизни Чехов согревал свои произведения. Это не беспредметное философствование героев его пьес, как думали прежде некоторые критики Чехова. Жизнь досрочно оправдала его ожидания. Не довелось ему дожить до такого времени, когда и три сестры вернулись в Москву, и дядя Ваня стал большим общественным работником, и Треплев узнал успех. Сорок лет минуло со дня смерти писателя, а офицеры, подобные его Вершинину, творят дела, которые заставляют все передовое человечество славить русского человека.

* * *

Чехов создал унтера Пришибеева, Беликова — человека в футляре, создал помещика Рашевича, пропагандирующего теорию биологического неравенства людей, превосходство «белой кости» над «черной». Чехов не пощадил этих людей. Сила сатиры — щедринская. Но всюду показано, что эти люди-уроды, мешающие людям жить, окружены ненавистью и презрением. Над унтером Пришибеевым смеются. Беликова ненавидят. Рашевичу родные дочери кричат: «Жаба!»

Русский реакционер не краше немецкого. Но, во-первых, нет в нем страшного немецкого педантизма, нет последовательности в изуверстве. А во-вторых, не мог русский реакционер стать уважаемой фигурой в народе. Русская реакция могла властвовать долгое время, она никогда не могла завоевать уважения к себе. В Германии унтер Пришибеев — это не смешная фигура, а весьма почтенная. Это опора общества. Беликовы в Германии — все учителя. Человек в футляре там не исключение, а правило. Кто бы в Германии крикнул немецкому Рашевичу: «Жаба?»

Политическая реакция была очень сильна во времена Чехова. Он жил среди помещиков и хорошо знал их. Чехов был зна-

ком с чиновниками царского правительства, с земскими и думскими гласными, с мировыми судьями и земскими начальниками. Он превосходно знал дореволюционную гимназию.

Но реакционность и бескультура старого строя не испугали и не озлобили Чехова. Он всюду находил умных, даровитых русских людей и знал, что им принадлежат будущее. Доктор Астров — типичная фигура в произведениях Чехова. Этот уездный врач в глуши работает над озеленением своего района, и его речи о том, как будут выглядеть в будущем русские поля, могут в наше время стать программой советского агронома, советского лесовода.

В повести «Три года» Ярцев произносит слова, подсказанные Чеховым: «...В России все необыкновенно талантливо, даровито и интересно... Как богата, разнообразна русская жизнь...»

В чеховском мире лучшие люди — это люди труда. О труде говорят с увлечением действующие лица в «Трех сестрах». Прекрасная жизнь, которая прадед, по их словам, — это жизнь, основанная на труде. В этом — источник культуры, певцом которой был Чехов. Он знал, как нужна культура нашему народу, но не смешивал ту большую культуру, которую принесет с собой будущая прекрасная жизнь, с культурным крохоборчеством, коим занимались и в его время прекраснотупые или излишне робкие люди. Страстную речь против такого разменивания на мелочи большой, исторической задачи произносит художник в повести «Дом с мезонином»

Горький писал о Чехове: «Я не видел такого человека, который чувствовал бы значение труда, как основания культуры, так глубоко и всесторонне, как Антон Павлович. Это выражалось у него в мелочах домашнего обихода... Он любил строить, разводить сады, украшать землю, он чувствовал поэзию труда».

Эта любовь к русскому человеку и вера в его даровитость, эта поэзия труда, как основания культуры, роднит Чехова с нашим временем.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ.

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

15 июля 1944 г.

3 стр.